

МАКС БРИНК

ЗАСТАВЬ
МЕНЯ

ЖЕЛАТЬ
СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Макс Бринк

Заставь меня желать смерти

<https://litres.ru/74567914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Внимание! Dark Romance. В книге присутствуют сцены жестокости, нецензурная лексика и абьюзивные отношения. 18+

Элис Вонг — блестящий адвокат, которая вырывает женщин из рук мужей-тиранов. Зал суда — единственное место, где она чувствует себя живой. Но её прошлое заперто так глубоко, что даже собственное отражение кажется чужим.

Дело Мириам Фрост должно было стать очередной победой, но оборачивается крахом: за обвиняемым стоят люди сильнее закона. А потом приходит сообщение, после которого у Элис уходит почва из-под ног: кто-то знает её тайну.

Так она попадает в особняк Эйдана: стекло, чёрный мрамор, десятки мониторов. Он предлагает сделку: год работы на него в обмен на свободу. Элис уверена, что сумеет его переиграть. Но их игра всё больше напоминает войну, где граница между ненавистью и одержимостью стирается, а выбор придётся сделать ей.

Психологический триллер о власти, вине и любви, которая связывает крепче любых цепей.

Содержание

От Автора	4
Суд Лучше Секса	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Макс Бринк

Заставь меня желать смерти

От Автора

Данная история не о чистой, искренней, фантастической любви до гроба (хотя с последним я бы поспорил). Где все начинается с красивой картинкой признания и обещаний быть рядом. Иногда близость вырастает из тех ощущений в которых ты ее не ждешь: из страха, зависимости, обстоятельств которые кажутся поначалу временными, а затем становятся привычными. Здесь шантаж граничит с началом болезненных отношений, а забота превратиться в тотальный контроль.

У этой истории нет героев которые ведут себя красиво и правильно. Здесь все ошибаются, лгут, причиняют друг другу боль. Иногда сознательно, иногда только потому, что не умеют иначе. И далеко не все их поступки можно оправдать тяжелым прошлым, обстоятельствами в которых они оказались или безграничной любовью. Если вам нравится тёплая романтика с букетно-конфетным периодом, отношения, в которых можно расслабиться и почувствовать себя в без-

опасности, — возможно, эту книгу лучше отложить. Но если вам интересны сложные герои, которым в одночасье хочется и доверять, и не доверять; чувства, от которых хочется бежать, но не получается; отношения, где грань между любовью и одержимостью постепенно стирается, — оставайтесь. Только не ожидайте, что здесь все будет тихо и спокойно.

Это только первая книга истории, и я не хочу обещать, что к финалу всё встанет на свои места. Не всё должно получить объяснение сразу. Некоторые двери лучше не открывать слишком рано — а некоторые и вовсе не открывать. Последняя страница не поставит точку в истории, она лишь подведёт вас к следующей двери и новым вопросам.

Эта книга предназначена для читателей 18+. В сюжете поднимаются темы, которые могут оказаться непростыми или эмоционально тяжёлыми для некоторых читателей, а именно:

- абьюзивные и токсичные отношения, созависимость;
- шантаж, принуждение и психологическое давление;
- заточение и лишение свободы;
- сцены насилия и упоминание убийства;
- домашнее насилие и его последствия;
- ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство),
- панические атаки;
- медицинские эксперименты над людьми;
- смерть близких людей;
- откровенные сцены интимного характера, иногда грани-

чащие с БДСМ;

сексуальные расстройства;

морально-неоднозначные герои и их поступки, которые книга не пытается оправдать.

Пожалуйста, учитывайте все выше перечисленное, перед чтением данного произведения.

Сразу предупрежу: местами будет непросто. Что-то может задеть за живое, что-то — вернуть в своё прошлое. И у каждого это отзовется по-своему. Так что решайте сами, готовы ли вы к этой истории сейчас.

Если во время чтения вы почувствуете дискомфорт, тревогу или усталость — сделайте паузу и отложите книгу. Не стоит ее дочитывать только из-за того что начали ее читать. Берегите себя, свои границы и психическое состояние.

Ну а если после всех предупреждений вы всё же решите войти в эту историю, знайте: света здесь будет мало. И даже когда он появляется — ему не стоит доверять, как впрочем и персонажам.

Я мог сделать эту историю добрее.

Не сделал.

Простите.

Или не прощайте.

Выбор всегда за Вами

Макс Бринк

Суд Лучше Секса

Если женщина желает кончить по-настоящему — для этого не всегда нужен член. Ей необходим зал суда. Потому что после секса остаются мокрые простыни, неловкость, чувство стыда и противный привкус «ну вот, опять тобой просто воспользовались». А суд в свою очередь оставляет приговор. И этот звук — глухой удар молотка, разносящийся эхом под высокими сводами, — я полюбила сильнее, чем любой стон в подушку. Серьёзно! Я не трахалась уже три года, но каждую неделю испытываю оргазм, глядя, как очередной мачо-мэн теряет все: свои деньги, статус, имя, право называться человеком, а иногда — свободу. Секс длится какие-то жалкие минут пятнадцать, в самом лучшем случае час. Приговор же остается навсегда.

Мне тридцать, и моё тело заточенное не под мужские грубые, мозолистые руки, а под безупречный крой чёрного костюма. На процессы я почти никогда не надеваю нижнее белье. Нет, это не кокетство и не попытка соблазнить очередного тюфяка. Это гигиена и холодный расчет — кружево отвлекает. А когда я обнажаю чужую ложь до костей, медленно срезая ее слоями, ничто не должно касаться моего тела, лишь только воздух, и это острое, электрическое ощущение власти, которую никто не посмеет у меня отнять. Я адвокат по делам о домашнем насилии. Интересная ирония судьбы:

я ненавижу мужчин, но зарабатываю на них миллионы, выгрызая их жертв из клеток, которые эти мужчины называют браком.

Сегодняшний экземпляр — мистер Айронс, славный парень, безумно любящий свою супругу. До такой степени, что в порыве страсти сломал ей четыре ребра и ключицу. Я машинально провожу пальцами по серебряному браслету — который прячет мой старый шрам прошлой жизни. Напоминание мне, о том, как я сама находилась на месте моих бесценных клиенток, боясь даже вздохнуть «не так» в сторону своего собственного «любящего» мужа. Пока в один прекрасный момент не дала отпор этому борову. После чего я сделала выбор в свою пользу и из жертвы стала той, кого боятся даже судьи.

Бумаги на столе ложатся в четко отработанном автоматизме: ходатайства слева, материалы дела — по центру, чистый лист для заметок — справа, под углом в сорок пять градусов. Пальцы движутся вразрез мыслям, машинально — этот ритуал отточен до совершенства за годы. Меня вырывает из фокуса голос адвоката мистера Айронса. Он как раз заканчивает допрос свидетеля, и судья Ортега передаёт мне слово.

Я поднимаюсь из своего кожаного кресла. Туфли на высокой шпильке дробно стучат по полу, отбивая каждый мой шаг — четко и выверено. Зал суда постепенно погружается в звуки барабанной дробы моих каблуков. Присяжные которые до этого перешептывались, замерли. Направив все свое

внимание в мою сторону. Направляясь в сторону мистера Хендерсона, который сидел в двух ярдах от присяжных и под клятвой говорить одну лишь правду и ничего кроме правды буквально минуту назад выдал порцию «своей чистой истины». Останавливаюсь ровно на границе его личного пространства, чтобы он почувствовал кожей и всем своим нутром, кто здесь хищник и кого следует бояться. Медленно, почти лениво, поправляю лацкан пиджака и смотрю ему прямо в зрачки.

— Мистер Хэндерсон, — голос мягкий, практически нежный. — Вы ведь любите свою жену, не так ли?

Он сглатывает. Я замечаю, как дергается кадык при нервном сглатывании. Его глаза бегают — от меня к присяжным, от присяжных к Айронсу, который сидит с каменным лицом. Хэндерсон мнетя, пытаюсь выстроить защиту в своем маленьком мозге. Я терпеливо жду некоторое время. Даю ему то драгоценное для него время, чтобы он понял: спасения в данном случае ждать не от кого. И когда его потная ладонь скользит по скамье, а воздух в зале становится плотным и вязким от ожидания — я чувствую тот самый экстаз, что лучше любого оргазма. Он открывает рот чтобы ответить, а меня окатывает волной жара.

— Да, — выдыхает он наконец. И я знаю — это был последний раз, когда он сказал правду. Дальше все будет только по моим правилам: я разберу его на мелкие кусочки. Как грёбаный пазл. Выверну наизнанку всё его нутро, оторву всё, на

чём держится его спесь. Деталь за деталью, пока этот ублюдок не останется лежать передо мной — голый, раздавленный и беспомощный. И получу от этого такое удовольствие, какое ни один мужчина не сможет подарить мне ни в отношениях ни в сексе.

— Мистер Хэндерсон, — повторяю я, чуть склонив голову. Мой голос теперь теряет последние нотки фальшивого бархатного звучания. — Вы утверждаете, что миссис Айронс упала с лестницы флигеля. Это так?

— Да, мэм, — на последней гласной его голос слегка ломается, кадык предательски дергается, а пальцы в напряжении сжимаются в кулаки на коленях. Я фиксирую каждое минимальное движение. Каждую каплю пота, которые уже не просто собираются на бакенбардах, а предательски стекают по скуле, словно образуют устье реки на его бледной коже.

— В тот вечер Вы находились там и своими глазами видели как потерпевшая оступилась, правильно?

— Да, мэм. — я медленно обхожу свидетеля и становлюсь с другой стороны. Делаю небольшую паузу, раздумывая над следующим вопросом. Левая рука находится под ребрами, а правая локтем упирается в запястье левой и поднята к подбородку который я властно положила на указательный палец.

— А крик миссис Кэтрин вы слышали непосредственно после или до падения?

— После мисс Вонг, — смочив перед этим горло водой, ответил Хэндерсон.

— Вы знали, мистер Хэндерсон, что ключицу можно сломать даже с небольшой высоты, если приземлиться на плечо или вытянутую руку. Верно?

Он кивает в такт моим словам, при этом он продолжает потеть как дальнбойщик в +40 не понимая к чему я клоню.

— Но, — в этот момент я отрываю указательный палец правой руки от подбородка и поднимаю его вверх. — Проблема заключается в том, что при падении с лестницы, в сугубо бытовом виде, травмы имеют линейный характер. Это говорит нам о том, что сила удара распределяется по длине кости. И как правило зачастую они поперечные либо же косые. Представьте, как будто вы уронили фарфоровую куклу, которая ударилась определенной частью и именно куда пришелся удар там она и будет разбита. В этот момент я поворачиваюсь к свидетелю и смотрю ему прямо в глаза. У него перехватило дыхание, было ощущение, что он разучился дышать.

Развернувшись на каблуках я направляюсь в сторону стола, где у меня лежат материалы дела, и беру серую папку с надписью: фото. Открывая ее поворачиваюсь в сторону свидетеля и достаю несколько рентгеновских снимков.

— Посмотрите на эти снимки уважаемые присяжные, судья, у миссис Айронс, — я медленно, смакуя каждое слово, показываю по одному снимку, — четыре ребра раздроблены в разных местах. Третье, пятое и седьмое - с левой стороны и восьмое - с правой. Одно ребро сломано в двух ме-

стах, мистер Хендерсон, это флотирующий перелом (перелом в двух местах одной кости). Что бы так раздробить кости необходимо наносить удары под разными углами, с разной силой и периодичностью. — Я выдерживаю паузу, осматриваю охреневших от данной новости присяжных и непосредственно самого свидетеля, в зале суда царит гробовая тишина, слышно только как секретарь документирует мои слова беспощадно уничтожая клавиатуру ноутбука, и почти шепотом добавляю: — С лестницы так не падают, если только перед этим тебе не прилетело от мужа и в попытке спастись от него не удержалась за перила и полетела вниз.

Я вижу как одна из присяжных, пожилая женщина с фиолетовыми волосами скрученными в гульку, закрывает рот ладонью. Другие начинают перешептываться. Хэндерсон выглядит так как будто его посадили на вибратор, который подает разряды тока. Мелкие глазки бегают по мимическим морщинам мистера Айронса, по бумагам дела, по моим пальцам, которые я сейчас спокойно складываю в замок на поясе, поправляя безупречную ткань костюма.

— И знаете, мистер Хендерсон, что самое забавное в нашем случае? — моя улыбка становится шире, но не касается глаз. — Когда вы давали показания в участке, вы четко сказали что слышали крик миссис Айронс до того как она упала, это задокументировано и на акте стоит ваша подпись. А сегодня вы утверждали, что крик был после того как она упала. Дак скажите пожалуйста в какой из моментов вы со-

лгали нам? В полиции или же что еще хуже под присягой? — Его лицо потеряло практически все краски, оставив только бледно-зеленый оттенок, в этот момент я подумала что его стошнит.

Я повернулась к судье, после к присяжным, вскидывая руку с заостренным маникюром цвета алой крови.

— Ваша честь, дамы и господа присяжные, потерпевшая не могла сама упасть и получить такие травмы, ее избивали и довольно часто, а свидетель который сейчас потеет как марафонец перед финалом забега был в курсе всего происходящего, но ни разу не предпринял ничего, чтобы это не повторилось. Спасибо за внимание у меня на этом все.

Я возвращаюсь за свой стол, чувствуя легкое покалывание в теле. Я механически дотрагиваюсь до защелки браслета, прикасаясь к шраму. В зале суда нарастает гомон от присяжных и наблюдающих за судебным процессом. Молоток судьи Ортега опускается на столешницу призывая всех собравшихся к тишине. Но в моей голове в этот момент звук моей победы и разгромленного в пух и прах врага. Я смотрю на мокрое лицо Хэндерсона, на побелевшие костяшки его рук и понимаю: еще один очередной кусок дерьма, который думал, что мир который до этого крутился вокруг него и Айронса в один момент рухнул, потащив за собой все их грязное белье. Поправив лацкан пиджака, смотрю на часы. Через двадцать пять минут у меня перерыв. Я куплю черный кофе без сахара вкушая его горечь наслаждаясь ею больше

чем поцелуем в пьяном угаре.

Личный кабинет встретил меня все с той же выверенной тишиной, только где-то вдали шумела автострада по которой пролетали авто. Уже смеркалось и как ни крути все спешили домой, к семье, детям. Ну а я как обычно просижу на работе еще несколько часов, разбирая дела, у которых истек срок давности. В кабинете пахло сандалом и кожей. Прямо посреди стоял кофейный столик с диваном и креслом, в панорамных окнах ярко мерцали огни вечернего города. Основной свет я решила не включать и минуя кофейную зону направилась к рабочему месту возле окон. Бросив сумку с документами на стол со стеклянной столешницей я подошла до панорамы и несколько минут наслаждалась открывающимся видом с 20-го этажа. Как удачно что мой кабинет выходил в сторону небольшого парка, за которым располагались каменные гиганты многоэтажек. Расфокусировав зрение увидела свое отражение в окне. За мной наблюдала все та же Элис Вонг которой я стала каких-то семь лет назад исключение только цвет волос и стрижка: каре на удлинение в иссиня-черном оттенке подчеркивало мое лицо, делая его более вытянутым. Четко выделяющиеся скулы и впалые щеки добавляли усталости моему лицу. Наблюдая за своими чертами я простояла несколько минут. В голове было пусто как будто из нее выкачали всю информацию инопланетяне для своих опытов. От созерцания за собой меня оторвал звонок мобильного телефона. Отвечать я не планировала, но черт

меня дернул за ногу и я направилась к своей сумке. Звонила Соня, мой секретарь с которой я начала работать как стала адвокатом. С тех самых пор мы с ней как сестры, которые ни разу не дрались и не ругались

— Алло, — вяло произношу я

— Мисс Вонг у нас тут птичка на спецлинии, хочет встретиться как можно скорее, представилась Мириам Фрост. — пропел тонкий голосок Сони с другого конца трубки. — Ее нынешний муж словно «Большой Брат», он знает о ней всё: где она, с кем и о чём мечтает в своих самых откровенных снах.

Я шумно выдохнула в трубку, думать на сегодняшний вечер о работе я не планировала, хотелось взять стакан виски со льдом, побыть с глазу на глаз со своими демонами и просто уйти в небытие.

— Назначь встречу на завтра в девять утра, занятие по кикбоксингу перенеси на более позднее время, — только и могла я ответить.

— Уже сделала, занятие у вас завтра в четыре, остальное расписание пока без изменений. — пролепетала Соня

— Когда ты успела?

— Не первый год я с вами в одной лодке, догадалась что эта история заинтересует такого адвоката как - Элис Вонг.

— Еще раз назовешь меня Мисс Вонг и лишишься часть своей премии, — мой голос прозвучал с легким надрывом. — Сколько раз я говорила тебе меня так не называть? Тер-

петь не могу, когда моя подруга фамильярничаает.

— Хорошо Элис, — с легкой улыбкой в голосе ответила Соня, — завтра в девять как и запланировали, а сейчас отдохни, ты заслужила.

— И еще, собери всю информацию которую найдешь на Фростов, я должна знать все, вплоть до того какое нижнее белье она завтра планирует надеть.

— Все у тебя на почте, отправила буквально перед звонком.

— Ты чудо, — выпалила я, — спасибо что терпишь мой характер.

— Кто если не я?

Положив трубку, я открыла почту на ноутбуке, в присланном письме от Сони было несколько прикрепленных файлов и фото, с которого на меня смотрела хрупкая девушка лет 25 с серыми как пепел глазами и волосами цвета меди. Один файл назывался Мириам Фрост, второй же — Адриан Фрост. Ночь обещала быть долгой и далеко не такой какой я ее представляла. В голове прозвучала до оскомины знакомая мысль: *«Еще одна сломленная, для которой я буду психологом, адвокатом, социальным работником и жилеткой для нытья. Сколько таких Мириам будет еще в моей жизни? Бесконечный, мать его, конвейер по производству несмываемой туши. А если послать ее нахрен и закрыть лавочку, кто тогда поможет несчастным девочкам вырваться из лап моральных уроков? И не просто сбежать от ужасов происходяще-*

го, а наказывать бывших сперматозоидов по всей строгости закона? Господь Бог? Как по мне у него предварительная запись на несколько столетий вперед и вечно не хватает времени на простых смертных. А у меня, у дуры с комплексом мессии, — хватает».

Я бы долго сидела в своих размышлениях о Бытие и прочих неурядицах, листая файл с именем Мириам Фрост, когда мой взгляд зацепился за строчку: «*Мириам Фрост — супруга одного из учредителя и акционера трастового фонда Блекторн Корп.*» Дело приобретало новые краски, и отнюдь не самые яркие. Я поспешила открыть файл с именем Адриан Фрост, просмотрев его по диагонали, взгляду не было ни за что зацепиться, все выглядело идеально, ни единого проступка, штрафа, скандала за всю его жизнь. Идеальный ублюдок, который «любит» свою жену. Я забыла как дышать, в груди собралось настолько много воздуха, что я с тяжелым выдохом опустошила легкие. Дело предстояло не из легких, но перед этим мне нужно поговорить с Мириам, и уж тогда решать возьмусь я за него или нет. В этот вечер я еще не понимала, что вся эта затея, хорошо спланированный план в котором главная роль предназначена для меня. Прикусив идеально покрашенную темно-бордовую губу, я поспешно захлопнула ноутбук и откинулась на спинку кресла. Смотря в потолок я гадала насколько сумасшедшая, чтобы идти против корпорации, ведь за такими рыбешками всегда есть рыба покрупнее, и как бы я не поступила мне придется рано или

поздно с ней встретиться. Сказать что я была готова к этому? Нисколючки. Хочу ли я в это ввязываться? Однозначно нет. Но у вечно занятого Бога были на меня свои планы, и я уже сделала тот самый маленький шаг навстречу монстру, согласившись встретиться с Мириам Фрост.

Утро выдалось серым. Дождь барабанил по подоконнику, и я машинально следила за одной из капель, пока она не растеклась по раме. На кухне пахло кофе — я сварила крепкий, без сахара, впрочем как и всегда. Взглянула на часы: без пятнадцати восемь. Ношу их на правой руке просто потому, что так привыкла, и даже не помню, с чего началось. Небольшой личный фетишь, как для некоторых, нюхать поношенную обувь или пихать в свои отверстия все что плохо лежит. Мерзко? Возможно. В остальном — стандартный набор: черный пиджак, юбка-карандаш, туфли на каблуке.

До офиса добралась за полчаса — город сжалился и не подкинул пробок. В приемной за столом уже сидела Соня и что-то сверяла в бумагах.

— Привет, — бросила я, направляясь к своей двери.

— Элис, постой, — она подняла голову, и взгляд у нее был такой, будто у меня на спине приколот лист с надписью «пни меня».

Я остановилась и обернулась:

— Что случилось? Не тяни.

Но ответить она не успела — из-за ее плеча вынырнула незнакомка в солнцезащитных очках и тут же протянула мне

руку.

— Мисс Вонг? Мириам Фрост. Мы созванивались, я пришла по записи.

Она говорила с нажимом, а за стеклами очков я не могла разглядеть ни глаз, ни эмоций. В помещении они смотрелись странно, но я решила не заикливаться — у людей бывают мигрени или другие причины.

— Да, миссис Фрост, проходите, — я кивнула на кабинет и, уже взявшись за ручку, обернулась к Соне: — Принеси, пожалуйста, два кофе в кабинет. И себе, если хочешь.

— Ты уверена? — уточнила она с хитринкой.

— Очень. День только начался, а я уже чувствую, что без кофеина не выживу.

Мы прошли в кабинет. Я жестом предложила гостье сесть на диван, сама же опустилась за стол и, по привычке, закинула ногу на ногу — поза, конечно, не для протокола, но, если честно, за шесть лет работы я перестала заикливаться по таким мелочам. Солнечные очки Мириам так и остались на месте, и она сидела с таким видом, будто мы уже обсуждаем что-то важное, хотя я еще не задала ни одного вопроса.

— Итак, — я придвинула к себе блокнот, — вы сказали, что дело касается безопасности. Давайте поподробнее.

Мириам Фрост сняла очки. Я сразу пожалела, что попросила — под глазами были синие круги с жёлтой каймой, как у человека, который не спит третьи сутки. На фото в досье она выглядела почти бодрой, а здесь — осунувшееся лицо,

припухшие веки. Я подумала: могла бы нанести консилер, но, видно, уже забила.

Очки она положила на стол — прямо в засохшее кофейное пятно. Я машинально отметила, что теперь их придётся протирать, но не стала подсказывать. Пальцы у неё дрожали, она сложила их на коленях, но те всё равно подрагивали, как у старухи с паркинсоном. Она сцепила их сильнее, да так что аж побелели костяшки.

— Мисс Вонг, — сказала она, и голос сорвался на первом же слове, — я не знаю, как начать. Мой муж... он не такой каким кажется. Вроде все нормально пока мы в обществе, но стоит нам только остаться наедине как все резко меняется. Я не могу объяснить.

Я подалась вперёд, локти уперев о стол. Она выглядела так, будто вот-вот разревется, а мне не нужны были слёзы — с ними она начнёт путаться и врать себе.

— Попробуйте с самого начала, — сказала я. — Что он делает, когда злится? Как ведёт себя, когда думает, что никто не видит?

Она дернула головой, словно к ней пристала назойливая муха, и уставилась в окно. Там уже второй час шёл дождь, стекло запотело, и снаружи виднелись только мутные пятна от фонарей. Наблюдая за реакцией клиента я сделала очевидный вывод, она сейчас встанет и уйдёт. Такое бывает: клиенты приходят, садятся, рассказывают часть своей роскошной жизни, а когда дело касается откровенных, вывора-

чивающих душу и всю подноготную — ломаются на полпути. Но она заговорила.

— Мы встретились на благотворительном вечере, — голос стал тише, и она отвела взгляд от окна и смотрела куда-то мимо меня. — Он говорил о семье, о детях. Я тогда была в плохом настроении — месячные, гормоны, и он показался единственным, кто не смотрит на меня как на пустое место. Через полгода мы расписались. Два года я была счастлива. А потом он начал проверять мой телефон, спрашивать, где я была и с кем.

— Проверять телефон?

Я накрутила на палец прядь волос — противная привычка, от которой я никак не избавлюсь, особенно когда слушаю клиентов.

— Да. Сначала я думала — ревность, любовь. А следом нашла камеры в спальне. Когда спросила его он сказал, что это для безопасности, в районе кражи и вообще ситуация не из благоприятных. А я как наивная дура повелась на эту ложь. Продолжала верить каждому его слову, красилась, наряжалась в элегантные платья, думала, стараюсь для него. А он просто вел свои записи и продолжал следить за мной.

Она усмехнулась, губы тронула такая горечь, что я сама того не ожидая поежилась. Голос в одно мгновение стал жёстче, будто она в моменте переключалась с пай-девочки на циничную суку.

— Он знает про меня всё, мисс Вонг. Где я была, что дела-

ла, с кем встречалась, как доводила себя до оргазма. Ночью он практически не спит — сидит и часами смотрит на меня.

Я отложила ручку — она начала писать с перебоями, чернила явно в ней заканчивались. За стеной в этот момент что-то с грохотом упало: Соня уронила железный разнос. Мириам вздрогнула так, будто услышала выстрел.

— В прошлом месяце когда он был в отъезде по делам в Европе, — сказала она почти шёпотом, — я нашла его дневник. Он рисовал меня во сне с анатомической точностью и делал какие то странные надписи — «точка входа — левый висок». Ещё было что то, про солнечное сплетение: какие-то стрелочки, схемы и замеры глубины. Меня это смутило, но я не придавала этому внимания. А когда спустя месяц он начал меня избивать, я поняла что на этом дело не закончится. Его удары были четкими до такой степени, что мои синяки всегда выглядели под цвет сезона: весной фиолетовые, летом жёлтые, чтобы это не так бросалось в глаза.

Она замолчала. Я сцепила руки под столом, потому что в животе противно засосало — больше от рассказа, чем от запаха духов, хотя они тоже были приторными и дорогими. Но я не подала растерянного вида от услышанного.

— Доказательства есть? — спросила я, кивнув на ее телефон.

— Я сфотографировала страницы, — она протянула смартфон. — Но в суд я не пойду. У него адвокаты, он меня сожрет и скажет так и было. Мне нужно просто исчезнуть,

ухать так далеко как только можно хоть на Луну.

Я пролистала фото. Почерк был аккуратный, без помарок, почти каллиграфический. Стадии заживления, давление на мягкие ткани, — выглядело как бизнес-план. Я убрала телефон в сторону.

— Мириам, — я перешла на «ты» и чуть наклонилась, — если ты просто сбежишь, он найдёт тебя за пару дней, максимум неделя. Ты же понимаешь — у него связи, деньги? Единственное, что сработает — сделать так, чтобы ему стало не до тебя. Ударить по его бизнесу. Тогда он будет спасать свою шкуру, а не охотиться за тобой.

Она подняла на меня глаза, и там я увидела не только страх, но и зарождающуюся злость — ту самую, которая меня устраивала и была необходима.

— А если я не справлюсь? — спросила она. — Разревуся на допросе или что еще страшнее запутаюсь в показаниях от паники и все провалю?

Я встала, обошла стол и присела перед ней на корточки — прямо на старый ковролин, который пора было менять. Взяла её руки, они были холодными и сухими.

— Когда я уходила от своего бывшего, у меня было три сломанных ребра, перелом запястья, несколько выбитых зубов и сплошные гематомы на теле. Я не могла подписать заявление — руки дрожали, глаза застилали слезы и заплывший синяк. Но я это сделала. А потом нашла его серые схемы через бухгалтера. И сделала все возможное что бы это не

сошло ему с рук. Но он пропал и с тех самых пор он в розыске. Ты понимаешь, что пока ты боишься, он будет делать с тобой все что хочет? Либо ты сейчас забираешь власть, либо он тебя убьёт, возможно не сейчас, через год или два но это случится. Третьего просто не существует.

Она сглотнула, на шее дернулась жилка на шее. Помолчала, потом сказала громко, почти выкрикнула:

— Я готова, сделаю все от меня зависящее.

— Хорошо, — поднимаясь с кресла я хлопнула ладонью по столу, и она вздрогнула, но уже слабее, чем в первый раз от шума который устроила Соня. — Теперь рассказывай про его партнёров, про сделки, все что доводилось тебе слышать. Мне нужно любое его слабое место.

Она рассказала мне все что знала и слышала, говорила около двух часов. Я записывала — сначала ручкой, потом карандашом, когда чернила решили все таки закончиться. Выуживала обрывки имён, номера счетов, названия фирм с кем из директоров он общался. Оказалось, Адриан Фрост немало тесно связан с «Эшкрофт Корп.» чем я предполагала. Это меняло всё — теперь я имела дело не просто с абыюзером, а с монстром, готовому пойти на любые крайние меры.

Когда Мириам ушла, пообещав скинуть сканы на почту, я осталась в тишине. Дождь за окном стих, и через тучи пробился тусклый свет, упал на пустую чашку. Я открыла ноутбук, через час набросала список из трёх компаний и пары сделок, которые пахли уголовкой.

Я забыла про спортзал. Хотелось просто сидеть и думать — как подобраться к этому типу. А еще знала — наша встреча с Мириам не останется не замеченной, точно не для него.

В дверь постучала Соня.

— Элис, — голос у нее был довольно напряженный, — мне позвонила твоя клиентка, делом которой ты занималась в прошлом году. К ней приходили как она выразилась: «довольно странные люди». Спрашивали про тебя — где живешь, где покупаешь вино, с кем встречаешься. Хотя они и были в полицейской форме, но точно не служители закона.

У меня от этих слов стрельнуло в висках, в глазах появились пляшущие пятна. Я что есть силы сжала браслет на левой руке, а старый шрам под ним — заныл, словно погода резко изменится.

— Соня, отмени все дела на завтра. Скажи, что я уехала в срочную командировку. И если кто-то будет спрашивать — ты меня не видела после зала суда.

— Твою мать, Элис, что происходит?

— Все потом.

Я быстро собрала экстренную сумочку: перцовый баллончик, диктофон, наличные и, на всякий случай, пачку сигарет — хоть курить я бросила год назад, но иногда они нужны были просто как успокоительное в кармане.

В коридоре из моего офиса до лифтов горел тусклый теплый свет, шаги отдавались гулким звуком. Я нажала кнопку лифта и была готова к тому, что за дверями может оказаться

кто угодно. Но cabina была пуста, только мое отражение в зеркальной стене — бледное, слегка с растрепанными волосами.

Я шагнула в лифт, нажав на кнопку C2, двери закрылись за спиной. Я сунула руку в карман, нащупала еще один газовый баллончик. И вдруг подумала: если Фрост уже вышел на бывшую клиентку, значит он знает что Мириам приходила ко мне. А следовательно он собирает на меня досье. Я его задела. Может, это даже к лучшему — он испугался. Следовательно, я на правильном пути. Осталось сделать правильный шаг и не ошибиться самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.